

4 ОКТ 1974

Первая Катерина

К 150-летию

Малого театра

петовой: «С замиранием сердца, забыв себя и весь мир — следила я за игрой дивной артистки и дрожащая, потрясенная, с красными от слез глазами возвращалась домой...»

Никулина-Косицкая, женщина со спокойным русским лицом, познала и безумную мечту дочери крепостных стать актрисой, и борьбу за это право, и небывалый успех, пришедший к двадцатилетней дебютантке Малого театра, и положение первой актрисы... К ней, такой, как на этой фотографии, пришла ее лучшая роль и ее бессмертие...

Эта фотография числилась в фондах Центральной театральной библиотеки как неопознанная. Лишь недавно было установлено, что это редкий снимок выдающейся актрисы Малого театра Любови Павловны Никулиной-Косицкой. Относится он к началу шестидесятых годов минувшего столетия и интересен тем, что передает облик актрисы времени ее первого выхода на сцену в роли Катерины. То впечатление, которое оставляла Никулина в «Грозе», лучше всего передают слова тогда еще совсем юной П. А. Стре-

ла простаивать она в церкви, молясь неистово и веруя безоговорочно... А потом на полях рукописи делал заметки — «слышал от Л. П.», «рассказала Л. П.»...

«Для пьес Островского она была чистое золото,— писал один из современников.— Более русского типа со всеми условиями нежной русской души нельзя было найти нигде. В особенности она была хороша в роли Катерины. И сама эта роль создавалась как бы для нее».

19 июля 1859 года Островский начал писать «Грозу», а 16 ноября, в бенефис С. В. Васильева, пьеса уже предстала перед зрителями. Спектакль имел всего пять репетиций. Актёры только за неделю получили тексты ролей. Постановку готовил сам Островский. Он пропал на кулисы, проходил с актерами роли, искал декорации, собирал то, что могло пригодиться от старых спектаклей, так как писать новое не было времени.

Косицкая появилась на сцене в сарафане, с кокошником на голове. Волжский выговор

словно подчеркивал ее женственность и легкость. Весь спектакль для нее был исповедью души неординарной, предельно честной, гибнущей от своей непохожести на всех окружающих. Смятение в умах рождала ее Катерина. Сила актрисы была такова, что актеры после сцены гибели Катерины — Косицкой с трудом продолжали спектакль.

Может быть, после премьеры или после очередного спектакля выпились на бумагу эти строки письма актрисы Островскому. «С чего-то мне кажется, что я поступаю нехорошо, что я виновата перед кем-то, а в чем и как, не могу дать себе отчета, меня что-то жжет. Боже мой, голова горит, кровь вся в волнении, лихорадка какая-то, и холодно, и жарко...» Это письмо Островский хранил всю жизнь. В нем словно слились воедино актриса и ее героиня.

Любовь Павловна Никулина-Косицкая умерла рано — ей шел всего сорок второй год.

Г. СКОРБОГАТОВА.